

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выражение благодарности	9
Введение	11
Глава 1. Концептуальные подходы	15
I. Три определения слова «культура»	15
II. Что такое культурная война?	35
Глава 2. Дифференциация в эпоху модерна	55
I. Секуляризация культуры	59
II. Коммерциализация экономики	93
III. Огосударствление политики	113
Глава 3. Опыты модерна	137
I. Созидательное разрушение	137
II. Восстановление общественного порядка и новое мироустройство	152
III. Рождение идеологии	173
IV. Интеллектуал и его функция	183
V. Демократизация политики и общественное мнение	199
VI. Коммуникация и массовизация	217
VII. Массовое общество и власть СМИ в эпоху модерна	239
Глава 4. Дедифференциация в эпоху постмодерна	263
I. Постиндустриальная экономика: империя неосязаемого	270
II. Массовое общество и общество потребления	282

III. Постфордизм и «индустрии культуры и творчества»	298
IV. Цифровая экономика: империя дата-надзора	312
V. Культура и экономика: отношения <i>win-win</i>	327
VI. Культура и экономика: отношения аффектации	338
Глава 5. Культурная война в контексте политики и медиатехнологий эпохи постмодерна	351
I. Становление мира образа	351
II. Телеэкран поглощает политику	372
III. Онлайн: взросление мира образа	384
IV. За пределами мира образа	414
V. Оцифрованное публичное пространство: новая политическая арена	426
VI. Формы власти: паноптикон 2.0 и цифровая психополитика	451
VII. К глобальному Левиафану?	478
Глава 6. Левые и правые в культурной войне	491
I. Смысл и актуальность диады «левые — правые»	491
II. Май 1968 года: культура в центре внимания	534
III. Культура в центре внимания: путь Грамши	556
IV. Культура в центре внимания: Франкфуртский путь	577
V. Правые и культурная война: друг от друга далеки	607
VI. Новые правые	632
Библиография	649
Об авторе	671

ГЛАВА 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

I. Три определения слова «культура»

Культура — слово, многократно используемое, превращенное в инструмент, ставшее объектом надругательств, бесконечно повторяющееся *так* и *этак*, с теми или иными намерениями, с целью сказать *то* или *это*. Понятие гибкое, многогранное, многозначное, опошленное, подгоняемое под потребности и бесконечные прихоти. Слово-джокер, слово-талисман, слово-помощник для ответа на любые заданные вопросы — и на незаданные тоже. Слово-тренд, удобное, модное, у всех на устах, удивительное своими откровениями о нас самих, о сознании, обращенном на самого себя, принимающем свою случайную природу в попытке признать себя не более чем чистой культурой, всего лишь культурным конструктом, притворством, вытекающим из искусственности, конституирующей человека. Но это всегда конечная точка: то, что можно увидеть в конце тоннеля, происхождение которого легко проследить по меньшей мере до эпохи Просвещения, каковой по большей части и обязана своим возникновением идея культуры как *проекта*. С той поры термин «культура» постепенно увеличивал набор значений, раздвигал границы семантического поля и тем самым породил различные трактовки, часто

противоречивые. И то, что сегодня одно и то же слово «культура» можно употреблять, обсуждая совершенно разные темы, является следствием непрерывного расширения его смысла.

Слово «культура» получило широкое распространение в XVIII веке как нечто свойственное высокодуховным людям. Точнее, оно отсылало к вместительности знаний, утонченного вкуса и полезных привычек, которые люди должны были стараться приобрести, хотя удавалось это не всем. «Стать культурным» означало добиться результата в образовательном процессе, отмеченном корпением над энциклопедиями, философскими трактатами, научными трудами, в занятиях искусством и музыкой. Так что не каждый человек располагал культурой. Культура как предмет обладания, который сливался с человеческим духом, являясь *необходимым условием* формирования человека таким, какой он есть, была наградой для тех, кто отдал собственное время и силы *взращиванию* своей личности. Потому что культура несла духу то же, что возделывание давало земле. Это подсказывает и этимология слова: *colere* в переводе с латинского языка означает 'возделывать' и 'ухаживать'. С теми же старанием и усердием, каких требует земля, чтобы воздать плодами за приложенные усилия, человек должен питать и взращивать свои знания, интересы, вкус, тело и дух, и только так он обогатит свою жизнь, придав ей истинный смысл.

В «Метафизике нравов» Кант четко определяет, что означает культура для такого просвещенного человека, как он: «Развитие (*культура*) своих естественных сил (духовных, душевных и телесных) как средство для всевозможных целей есть долг человека перед самим собой»¹.

¹ Immanuel Kant, *La metafísica de las costumbres* (Madrid: Tecnos, 2008), p. 311. — Здесь и далее цифрой-номером обозначены *примечания автора*.

Способности человека следует совершенствовать, *культуривовать*, чтобы ему удалось реализовать себя во всем, к чему он стремится. Можно сказать, что человек, достигший зрелости по уровню просвещенности, является культурным человеком. Иоганн Кристоф Аделунг, немецкий филолог и современник Канта, в своем эссе «Опыт истории культуры человеческого рода» (1782) определил восемь этапов развития культуры человечества: сначала идет «эмбриональная стадия», затем следуют «детство» и «юность», и так шаг за шагом культурное развитие достигает совершенства в точке зрелости, когда знания и утонченность обретаются в полной мере. «Культура заключается в наборе определенных понятий, в развитии и совершенствовании тела и манер», — говорил Аделунг².

Очевидно, что такое понимание культуры, характерное для XVIII века, вышло за рамки исторической эпохи. Шпенглер заимствует описанную логику поэтапного развития культуры в своих трудах, посвященных феномену цивилизации: последняя является конечной точкой становления культуры. Именно это имел в виду Гегель, который все же говорил больше других о *Geist* (духе), заявляя: «При упоминании Греции образованный европеец (особенно мы, немцы) чувствует, будто очутился в родном доме»³. «Образованный европеец» — это европеец, возделавший свой дух (среди прочих преимущественно выделяют здесь немцы) и благодаря этому способный следовать зову предков, обращающих его взор в данном случае к Греции. В других литературных

² Цитируется по: Clyde Kluckhohn, Alfred Kroeber, *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions* [Cambridge (MA): The Museum, 1952]. Взято из: Pantianos Classics (S/F), p. 19.

³ G.W.F. Hegel, *Lecciones sobre la historia de la filosofia* (México: FCE, 1995), p. 139.

произведениях той эпохи, например в романе «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, опять же читаем: «Те, кто способен узреть в прекрасном его высокий смысл, — люди культурные [...]. Но избранник — тот, кто в прекрасном видит лишь одно: красоту»⁴. И снова то же понятие: «дух культуры» открывается навстречу подлинному миру, закрытому для неотесанных и непросвещенных, миру, в котором только и возможно обнаружить красоту.

Вернемся ненадолго к *этосу* эпохи Просвещения, чтобы лучше разобраться в этом значении слова «культура». Просвещение определяло эмансипацию человека как функцию познания. Его универсальная цель требовала культурной экспансии, в которой проводниками трансформации служили бы избранные. Культура, в частности, формулировалась как всеобщий освободительный проект. Таким образом, образовательный процесс превращался в излюбленную стратегию, направленную на избавление лишенных культуры людей от этого недостатка, и молодое современное Государство одновременно с популяризацией понятия «культура» быстро возложило на себя миссию по *окультуриванию* духа населения, находящегося под его суверенитетом. Культурный проект стал проектом политическим. Особенно явно это проявилось во Франции из-за приверженности ее правителей идее универсализма. В связи с этим Зигмунт Бауман отмечал, что «французская концепция культуры возникла как собирательное понятие для тех усилий, которые предпринимало правительство в попытках стимулировать тягу к обучению, смягчить и улучшить манеры, развить вкус и пробудить духовные потребности, которых народ до той поры не испытывал

⁴ Oscar Wilde, *El retrato de Dorian Gray* (Buenos Aires: Hyspamérica, 1983), prefacio.

или же не осознавал их наличия у себя»⁵. Само понятие «культурная политика», порожденное необходимостью управлять культурой, сопровождает нас с момента появления всех современных наций.

В этом раннем, самом первом значении, берущем начало в эпоху Просвещения, культуру можно определить как нечто элитарное или связанное с иерархическим превосходством. Действительно, культура предусматривает существование иерархии когнитивной, эпистемологической, в познании (наука выше мифа) и эстетике (настоящее искусство, хорошая музыка и литература выше вульгарного выражения низменных страстей), что в свою очередь ранжирует тех, кто понимает и уважает порядок следования в пирамиде и действующие в ней правила. Культурой обладают и делятся, при этом не утрачивая ее, однако не все обладают, а следовательно, не все могут поделиться культурой в равной степени. Бывают как культурные, просвещенные люди, так и *некультурные*. Одни должны учить, другие — учиться. В такой парадигме культура рассматривается как перепись человеческой деятельности, выходящая за рамки естественных ограничений; она, так сказать, *цивилизует* человека (во Франции *культура* и *цивилизация* шли рука об руку: одно делало возможным другое). Неслучайно природа у Канта есть источник склонностей, которым противопоставляется моральный императив: если человек свободен, то он обязан этим тому, что согласует свою волю не с правилами мира случайностей, обусловленных природой, а с правилами царства свободы, к которому имеет доступ его разум: «Долг человека — собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния]

⁵ Zygmunt Bauman, *La cultura en el mundo de la modernidad líquida* (México: FCE, 2015), p. 85.

ГЛАВА 2

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНА

Культурная война отнюдь не внеисторическое явление. По крайней мере в той формулировке, которая представлена здесь, культурные войны можно обнаружить не везде и не в каждой эпохе. Напротив, у культурной войны есть вполне конкретный социоисторический контекст, что позволяет, с одной стороны, рассматривать культуру как поле деятельности, независимое от других социальных сфер, а с другой — получить в распоряжение культурные механизмы, дающие возможность задавать культурно-идеологическое направление в обществе. Таков контекст эпохи модерна, современности.

В обыденной речи и по своей этимологии (*modernus*) модерн — это нечто, полностью соответствующее духу времени, входящее в повестку дня: современен тот, кто живет в соответствии с ценностями и технологиями, *актуальными прямо сейчас*. Модерн в обычном своем значении закрепляет в качестве актуального то, что располагает необходимой властью для воплощения новшеств, и все, что имеет отношение к модерну, представляет собой подгонку под это предположительно актуальное. Верить в лучших традициях нью-эйдж, что мы живем в «астрологическую эру Водолея», потому что Солнце уже ушло из положения, которое соответствует «эре Рыб», — это современно, а вот руководствоваться

Библией означает проявлять средневековое невежество; отказываться от удовольствия полакомиться мясом и примкнуть к рядам веганов — поведение, одобряемое как современное, но отвергать полигамию, свингеров, свободные отношения или хваленую полиаморию — это ханжество и лицемерие, давно оставшееся в прошлом репрессий и цензуры; спасать несчастных навозных жуков, которые по данным Европейской комиссии находятся на грани вымирания — вот дело, которое не может не поддержать каждый, кто считает себя «современным», защита же еще не рожденных человеческих существ становится уделом «отставших от времени». В сфере технологий под модерном в его обычном понимании подразумевается исключительно актуальное, последней модели, новое, новейшее. Так что стационарный телефон для звонков кажется анахронизмом по сравнению с современными смартфонами, а отправлять открытки почтой другу в эпоху электронной почты и *WhatsApp* почти невысказано.

Но здесь нас интересует не это избитое определение модерна, а то, которым, упоминая его, стремятся обозначить социоисторический контекст, впервые возникший в Европе между XVI и XVIII веками. Именно в те времена начинается полная реструктуризация общества: с рождения современной модели Государства на базе постепенной централизации власти и до полной смены модели социальной стратификации; с начала урбанизации, изменившей не только ландшафты, но и сами социальные отношения, и до новых идеологий, объявивших человека и его разум центром мироздания. То, что в обществах той эпохи произошли крупные перемены, ни для кого не было секретом, и классическая социология, как и антропология, бросили все силы на концептуализацию и классификацию, дабы суметь объяснить, что именно

изменилось. Были предприняты попытки выделить две диаметрально противоположные социальные формации: ту, что осталась в прошлом, и новую, возникшую только что.

Так, например, различие, установленное Дюркгеймом между «механической солидарностью» и «органической солидарностью», определяется разницей между интегрированным обществом, члены которого тесно связаны друг с другом «коллективным сознанием» (общество эпохи премодекна), и обществом, объединенным на базе растущего социального разделения труда (общество эпохи модерна). В свою очередь, отличие «сообщества» (*Gemeinschaft*) от «общества» (*Gesellschaft*) у Тённиса соответствует разнице между естественным желанием людей добровольно объединиться и рациональностью, приводящей к созданию аналогичного союза, но уже имеющего форму соглашений. У Мэна можно увидеть нечто подобное в противопоставлении «устава» и «договора», где первый тип взаимосвязи основан на принадлежности к социальной группе (премодекн), в которой установлены правила личных взаимоотношений между индивидами, в то время как второй тип, напротив, является характеристикой продвинутого общества и базируется на анонимных и обусловленных обстоятельствами связях между его членами. С точки зрения эволюционизма по Льюису Моргану, родство конституировало организационную основу *societas* (обществ), характерных на этапе «варварства», тогда как на этапе «цивилизации» базу *civitas* (Государства) формируют такие критерии, как территория и собственность. Другой эволюционист, Огюст Конт, делит историю общества на различные «стадии» в соответствии с главенствующим видом знания: сначала общество теологическое, затем метафизическое, а начиная с XVII века и окончательно